

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

FRIENDS, WORDS, TABLES

Festschrift for the 75th birthday of
Anna Polivanova

Edited by A. Keidan

INTERBOK

Stockholm

2020

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

Сборник статей в честь 75-летия
А. К. Поливановой

Под редакцией А. В. Кейдана

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ

Москва – Екатеринбург

2020

УДК 81+82
ББК Ш1
Д 76

Д 76 Друзья, слова, таблицы: сборник статей в честь 75-летия А. К. Поливановой / под ред. А. В. Кейдана. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. — XVIII+502 с. : ил.
ISBN 978-5-6044025-3-5

Сборник включает статьи по широкому кругу вопросов, связанных с языкознанием, — от экспериментальной фонетики до теоретической фонологии, от общей и исторической лингвистики до филологии и литературоведения, от логики до семантики и лексикографии. Статьи приурочены к 75-летию юбилею А. К. Поливановой. Заключает сборник подборка мемуарных материалов.

Адресовано лингвистам и всем, кто интересуется проблемами языка и семантики.

УДК 81+82
ББК Ш1

© Авторы, 2020
© Interbok, 2020

Книга издана при финансовой поддержке
Университета Сапиенца, Рим, Италия

This book has been published with financial assistance
of Sapienza University of Rome, Italy

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. В. Кейдан

От составителя — XI

Список авторов — XIII

ЧАСТЬ I СТАТЬИ

П. М. Аркадьев

Опыт парадигматического описания готского языка — 1

Л. А. Блюменфельд / L. Blumenfeld

Взаимодействия сегментных преобразований в абстрактной грамматике — 50

Е. В. Бречалова

О линейризации актантов в корейском предложении — 62

А. Д. Вентцель / A. Wentzell

Нечто о математической лингвистике и о лингвистике. II — 80

В. И. Гаврилова

Переходность, залог и энергетика процессов изменения неодушевленных субстанций — 114

А. Ди Манно / A. Di Manno

Закон Вакернагеля в старославянском языке — 132

И. С. Добровольский

**Орфография редуцированных в славяно-русских рукописях:
принципы описания — 143**

Л. Л. Иомдин

**Ни при чем: об одной микросинтаксической конструкции
с отрицанием — 160**

И. Б. Иткин

Взыскую истины: опыт о глаголе *взыскать* — 169

А. В. Кейдан / A. Keidan

**Грамматическая типология и эффективность сравнительных
конструкций — 179**

Л. Е. Коган / L. Kogan

Этюды по эблаитской грамматике — 209

О. Ф. Кривнова, К. А. Патрикеева

**Методы делексикализации речевого сообщения, их тестирование
и оценка результатов — 222**

Л. И. Куликов / L. Kulikov

**Ориентированность, асимметрия и неизоморфизм в грамматике:
к постановке проблемы — 240**

И. А. Мельчук / I. Mel'čuk

**Статья как статья: *писать так писать!* О синтаксических
идиомах — 259**

Е. В. Муравенко

**Русские производные предлоги: препозиция, постпозиция,
циркумпозиция — 279**

И. С. Пекунова

О двухвариантности склонения в славянских языках — 295

М. Р. Пентус

**О преподавании математической логики будущим
лингвистам — 317**

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина

А что? — 323

- Б. А. Равдин
К. Симонов, «К. Симонов» и К.С. в поднемецкой печати 1943–1944 гг. — 329
- Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус / F. Rozhanskiy, E. Markus
О норме в бесписьменных языках (на примере водского и ижорского) — 338
- З. Салони / Z. Saloni
Грамматическая система и ее словарное описание — 353
- С. Г. Татевосов
Заметки о русском виде: четыре конспекта — 365
- Р. Д. Тименчик / R. Timenchik
Об одном меме Ахматовой — 391
- О. В. Федорова
Чем занимается «настоящая» психолингвистика — 403
- К. А. Чанкальини / С. А. Ciancaglini
Косвенные свидетельства озвончения древнеиранского *-k- в среднеперсидском — 417
- Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев
Глагол жить и его производные: материалы к «Толково-словообразовательному словарю русского языка» — 437
- Н. М. Якубова
Грузинский глагол глазами начинающего — 457

ЧАСТЬ II МЕМУАРЫ

- М. М. Бурас, М. А. Кронгауз
Попытка оправдания — 487
- Г. Е. Крейдлин
Анне Константиновне к ее юбилею. Небольшое эссе — 491
- А. П. Лычагина
Об Анюточке — 492

А. В. Кейдан

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Этот сборник подготовлен друзьями, коллегами и учениками Анны Константиновны Поливановой к ее 75-летию.

После долгих раздумий о том, как расположить собранные статьи, стало ясно, что друзей у АКП так много и занимаются они настолько разными темами, что единственное возможное решение — поставить статьи в алфавитном порядке. Так мы и поступили, обособив в сборнике два раздела: собственно статьи, а также мемуарные заметки в том жанре, который сама АКП однажды метко окрестила жанром «негрустных воспоминаний». Алфавитный порядок соблюдается внутри каждого из разделов. Фамилии авторов, работающих за границей, продублированы латиницей. Отдельным списком даны аффилиации авторов раздела *Статьи*.

Название книге мы постарались дать максимально емкое и звучное, дабы не наводить скуку на потенциального читателя юбилейным пафосом, но, с другой стороны, и не спугнуть его чрезмерным наукообразием. Хочется надеяться, что непредикативная цепочка слов, вынесенных в заголовок, удачно описывает именно то, что дорого Анне Константиновне.

Во-первых, это люди: коллеги, учителя, ученики, читатели, одним словом — *друзья*. Одно из главных личных качеств АКП и как ученого, и как педагога — это умение внедрять научную точность и трезвость мысли не только в преподавательскую деятельность, но и в повседневное общение, в беседы «по душам». Часто получается, что тот порог, за которым уроки лингвистики переходят в уроки жизни, фактически стирается.

Во-вторых, — *слова*. Все, кто знаком с АКП, знают, с каким воодушевлением она любит и умеет спорить о словах: их узусе, этимологии, семантике, стилистике, орфоэпии, парадигматике. Не будь в мире слов, не суще-

ствовало бы ни лингвистики, ни филологии, ни логики, — т. е. именно тех научных дисциплин, которым посвящено большинство статей сборника.

И в-третьих, — *таблицы*, понимаемые как символ формального подхода к решению любой научной, да и не только научной, задачи. Протицируем высказывание самой АКП, взятое из предисловия ее *Старославянской грамматики*, — лучше, чем она сама, эту мысль не выразить:

Особо хочется подчеркнуть, что в предлагаемой книге — масса таблиц. Может быть, даже слишком много: чуть ли не в каждом параграфе по таблице, а в некоторых — по несколько. Конечно, табличные данные можно расположить в строчку; и я знаю, что некоторых читателей таблицы раздражают. Не секрет, что составлять таблицы тоже не всегда легко. Занимаясь составлением своих таблиц, я каждый раз вспоминала ироничное замечание своего учителя А. Д. Вентцеля: «Кажется, я все понял: лингвистика — это искусство строить таблицы». Для меня это замечание наполнено глубоким научным содержанием, раскрывающим ответ на назойливый вопрос о том, каковы же взаимоотношения между лингвистикой и математикой.

Заметим, что поздравительные формулировки не были регламентированы составителем: каждый автор решал сам, как именно, в какой форме и какими словами, выразить свое почтение Анне Константиновне. Думаю, что, как составитель, я могу подытожить общее настроение всех авторов простым старинным пожеланием: Многая лета!

СПИСОК АВТОРОВ

Аркадьев, Петр Михайлович

Институт славяноведения РАН, Москва

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

alpgurev@gmail.com

Блюменфельд, Лев Александрович (Lev Blumenfeld)

Carleton University, Ottawa, Canada

lev.blumenfeld@carleton.ca

Бречалова, Евгения Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы, Москва

evbrechalova@gmail.com

Вентцель, Александр Дмитриевич (Alexander Wentzell)

Professor Emeritus, Tulane University, New Orleans, Louisiana, USA

alexander.wentzell@gmail.com

Гаврилова, Валентина Ивановна

Всероссийский институт научной и технической информации РАН,
Москва

vigavrilova123364@yandex.ru

Ди Манно, Андреа (Andrea Di Manno)
Sapienza Università di Roma, Italia
andrea.dimanno@uniroma1.it

Добровольский, Иван Сергеевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
imperfect@yandex.ru

Иомдин, Леонид Лейбович
Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН,
Москва
iomdin@iitp.ru

Иткин, Илья Борисович
Институт востоковедения РАН, Москва
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
iitkin@hse.ru

Кейдан, Артемий Владимирович (Artemij Keidan)
Sapienza Università di Roma, Italia
artemij.keidan@uniroma1.it

Коган, Леонид Ефимович (Leonid Kogan)
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
lkogan@hse.ru

Кривнова, Ольга Федоровна
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
okrivnova@mail.ru

Куликов, Леонид Игоревич (Leonid Kulikov)
Ghent University, Belgium
Leonid.Kulikov@UGent.be

Маркус, Елена Борисовна (Elena Markus)
University of Tartu, Estonia
Институт языкознания РАН, Москва
helenmarkus@yahoo.com

Мельчук, Игорь Александрович (Igor Mel'čuk)

Professeur émérite, Département de linguistique et de traduction,
Université de Montréal, Québec, Canada
igor.melcuk@umontreal.ca

Муравенко, Елена Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
emuravenko@yandex.ru

Патрикеева, Ксения Александровна

ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
xenia.patrikeeva@gmail.com

Пекунова, Ирина Семеновна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
irapek@gmail.com

Пентус, Мати Рейнович

Механико-математический факультет МГУ, Москва
mpentus@yandex.ru

Плунгян, Владимир Александрович

Институт языкознания РАН, Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
plungian@iling-ran.ru

Равдин, Борис Анатольевич

Латвийское общество русской культуры, Рига, Латвия
ravdin@mailbox.online.lv

Рахилина, Екатерина Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
erakhilina@hse.ru

Рожанский, Федор Иванович (Fedor Rozhanskiy)

University of Tartu, Estonia
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
handarey@yandex.ru

Салони, Зигмунт (Zygmunt Saloni)
Uniwersytet Warszawski, Polska
zasaloni@uw.edu.pl

Татевосов, Сергей Георгиевич
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
tatevos@philol.msu.ru

Тименчик, Роман Давыдович (Roman Timenchik)
Professor Emeritus, The Hebrew University of Jerusalem, Israel
suzirom@gmail.com

Федорова, Ольга Викторовна
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
olga.fedorova@msu.ru

Чанкальини, Клаудиа А. (Claudia A. Ciancaglini)
Sapienza Università di Roma, Italia
claudia.ciancaglini@uniroma1.it

Шмелев, Алексей Дмитриевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
shmelev.alexei@gmail.com

Шмелева, Елена Яковлевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
eshkind@mail.ru

Якубова, Нина Манашировна
sdygr@mail.ru

ЧАСТЬ I
СТАТЬИ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ЕЕ СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ

В статье 2001 года [Поливанова 2001/2008: 154–175] Анна Поливанова различает три объекта (в грамматическом описании языка): абстрактную грамматику *G*, факты данного естественного языка *D* и их интерпретацию *I*. Допустим, что мы строим грамматический словарь данного языка, т. е. список слов (точнее, лексем; еще точнее — базовых, либо словарных форм лексем). Тогда, на самом деле, у нас должно быть общее понятие о его грамматическом строе и кроме того — множество эмпирических данных, которые мы объясняем (интерпретируем).

Наиболее объективной и наглядной частью описания являются лингвистические данные. Несомненно, язык, т. е. языковая система, существует в какой-то общей (коллективной) психике. Ведь люди общаются, используя сложную систему оппозиций (противопоставлений), выступающих в сигналах, которые они формируют. Однако эмпирические объекты лингвистического описания — это не только эти оппозиции.

Как правильно отмечает Поливанова, факты языка можно — с некоторыми оговорками — отождествлять с «социально признанной письменностью». Конечно, письменность — это явление вторичное по отношению к устной речи. Предположение, что она создана без лингвистической рефлексии, преждевременно — ведь она состоит из дискретных единиц — «экземпляров» или вхождений каких-то типов (абстрактных знаков, существующих в сознании пользующихся языком). На более поздних этапах развития письменности тексты становятся организованными, они — не только простые последовательности атомарных знаков: к ним добавлена сегментация, а это уже начало грамматической интерпретации.

На самом деле, что касается выбора эмпирической базы, почти все словари, грамматические и другие, ссылаются на письменные тексты. И не только словари: насколько нам известно, лингвисты в своих работах, как правило, используют письменную форму языковых единиц. И не только лингвисты: все грамотные люди, думая о явлениях языка, ссылаются на нее. Почему? Потому что письменная форма фиксирована в пространстве, тогда как устная речь мгновенна, существует только во времени. Итак, система языка существует также во вторичном, письменном виде — в нем выступают оппозиции, построенные по образцу первичных, существующих в устной речи. Эта система развивается в тесной связи с первичной — в сознании всех грамотных носителей языка. Ее используют технически в компьютерных приложениях и даже в программах анализа речи: результатом анализа отрезка звучащей речи в данном языке, как правило, бывает орфографически правильный текст. Такого результата ожидают пользователи (например, слепые). Итак, именно система письменного языка подлежит описаниям в грамматиках и словарях.

С выбором материала связаны определенные трудности, так как в идеале он должен быть представлен в виде корпуса текстов. Гораздо легче такой корпус создать для мертвого языка, например, старославянского.

Приступая к работе, автор грамматики должен иметь в своем распоряжении не только данные, но и общую картину — план или схему — описания. Одним словом, абстрактная и не до конца определенная система языка должна в его сознании конкретизироваться — не полностью, без подробностей, но в общем виде. Известно, что первые описания языков, ранее не подлежавших описанию и кодификации, строились по образцу грамматик других языков. Позже автор новой грамматики данного языка может пользоваться более ранними описаниями, а также грамматиками других известных ему языков (и личным знанием этих языков). На этой базе он строит — как это называет Поливанова — абстрактную грамматику *G*. «В лингвистической практике абстрактная грамматика редко задается явно, а в тех, сравнительно немногочисленных сочинениях (преимущественно новейшего времени), где все же есть явные формулировки, они все имеют, как правило, форму определений, но не собственно предложений (аксиом или теорем). [...] Абстрактная грамматика не содержит никаких конкретных единиц (термов) из конкретного естественного языка» [Поливанова 2001/2008: 155].

Тем не менее, она построена для описания конкретного естественного языка и содержит объекты, абстрагированные из данных, отвечающих множествам каких-то конкретных единиц.¹ И естественным путем на ос-

¹ Их отношение к реально существующим текстам мы обсудим позже.

нове абстрактной грамматики G строится грамматика отдельного языка, в первую очередь — языка, на фоне которого была придумана абстрактная грамматика G . Хотя возможно, что лингвист, составляя грамматику данного языка, использует абстрактную грамматику другого языка, сделанную кем-то другим.

Далее в статье Поливанова сравнивает «две конкретных абстрактных грамматики» G_0 и G_2 . Грамматика G_0 извлечена из классических грамматик флективных языков, а грамматика G_2 построена ею лично [Поливанова 2001/2008: 158]. Более того, можно считать, что грамматика G_0 — это восстановленная автором статьи теоретическая модель абстрактной грамматики, воплощенной в книге *Русское именное словоизменение* Андрея Зализняка [Зализняк 1967, далее — РИС]. Опыт восстановления этой модели вполне оправдан.²

Эта книга вскоре после выхода стала образцом анализа грамматической структуры языка и ее последовательного описания, а несколько лет спустя — теоретической основой обширного грамматического словаря русского языка [Зализняк 1977, далее — ГСРЯ], показывающего переход от абстрактного словника лексем (точнее, базовых форм лексем) к конкретным словам-сегментам (словоформам), которые выступают в текстах. И включает он около 100000 словарных единиц.

А грамматика G_2 создана самой Поливановой. Зачем? Тем более, что ее главная часть не включена в статью (которая стала бы слишком громоздкой). Хотя Поливанова теоретик, мне не кажется, что она провела бы такую работу только для эстетического удовольствия. И действительно, целью Анюты было описание грамматического строя другого языка, достаточно близкого современному русскому (абстрактную грамматику G_0 которого она восстанавливала), а именно — старославянского языка. Через пять лет она выпустила грамматику этого языка. И построила ее именно по образцу РИС и ГСРЯ: [Поливанова 2013].

Материал старославянского языка хорошо подходит для такой цели, хотя главным образом его используют в диахронной лингвистике при из-

² Ср.: «В настоящей книге автор исходит из вполне определенного представления о том, какова парадигма каждого из 55000 русских имен, образующих исходный материал (т. е. каковы встречающиеся в данной парадигме грамматические значения и каковы отвечающие им словоформы). С точки зрения автора, это представление в некотором точно не определяемом смысле соответствует реальным фактам русского языка. Несколько упрощая истинное положение вещей, можно сказать, что единственная обязательная задача этой книги — строго изложить это представление, а любые другие задачи носят лишь попутный и факультативный характер» [РИС: 13–14].

учении развития славянских языков. Автор, точно следуя методу Зализняка, избрал другой подход — чисто синхронное описание. Его было нетрудно применить к материалу, который ограничен, но достаточно богат, чтобы из него извлечь структуру. Конечно, это дифференцированный материал. И автор решил построить некий конструкт — извлечь из памятников общий эталонный старославянский язык. Это не противоречит лингвистической практике. Многие исследователи, составляя грамматику данного языка, по сути конструируют систему, которую сами создали на основании текстов. Также, как отмечает Поливанова, некоторые слависты пытаются представить структуру старославянского языка синхронно: «Рассмотрение эталонного языка — настолько естественный прием описания, что в большинстве грамматик он даже не оговаривается, а вводится неявно, как нечто само собой разумеющееся. В грамматике Лант 1974 отличие эталона от данных непосредственных наблюдений объявлено; эталонный старославянский Г. Лант называет *стандартным* старославянским» [Поливанова 2013: XVII]. Структуру языка лингвист, конечно, не выдумывает самостоятельно — как правило, описание системы мертвого языка основано не только на текстах, но и на предыдущих описаниях. Рецензент книги Поливановой пишет: «Объективно модель А. К. Поливановой можно, пожалуй, назвать громоздкой [...] На наш взгляд, однако, это главное достоинство работы — по сути, она является подробной и тщательной формализацией именно традиционных представлений об устройстве старославянского языка» [Козлов 2015: 143].

Итак, описание старославянского языка, представленное Поливановой, сделано согласно принципам РИС и ГСРЯ. Это была работа большая, но вполне выполнимая. Поскольку корпус текстов старославянского языка можно считать замкнутым, грамматист способен держать его в памяти, более того, этот корпус может быть хорошо известен также читателю или пользователю пособия, благодаря чему тот чувствует структуру настолько, чтобы — при необходимости — строить тексты, и во всяком случае способен представить ее теоретически. Исходя из своей компетенции, он решает, что соответствует модели (принадлежит языку, т. е. абстрактной грамматике G_2), а какие текстовые явления должны считаться отступлениями от нее. Однако, все это можно легко сделать: материал фиксирован, а построенная модель — постоянна.

С совершенно другой ситуацией столкнулся автор ГСРЯ, словаря языка живого и очень богатого, словаря, который — по меньшей мере, декларативно — предназначен для всех. Конечно, представленный в грамматике или в словаре язык — это своего рода идеальное явление (эталон). Описание — это его модель. Ориентация *Грамматического словаря* Зализняка

на современную русскую литературную норму (как пишет автор в предисловии к 4-му изданию) — это интерпретация этой модели, вполне оправданная, предназначенная для самого широкого круга пользователей (уже первое издание словаря вышло тиражом 100 000 экземпляров), которые хотя и знают, как хорошо писать (и говорить!) по-русски. Одновременно, благодаря системе строгой и компактной характеристики включенных в него лексем, он может быть источником алгоритмов синтеза (а после небольшой доработки — и анализа) всех принадлежащих им словоформ.

До 1977 года Зализняк проанализировал материал огромного масштаба, который во время выпуска — надо подчеркнуть — был доступен только в традиционном бумажном виде. На основании этого он создал абстрактную грамматику, описывающую систему современного стандартного русского языка (в тогдашних условиях он был вынужден также всю работу выполнить вручную, на бумаге). Он также провел четкую границу между явлениями, допускаемыми абстрактной грамматикой и не допускаемыми ею.

Словарь остался практически в таком же виде до настоящего времени. Зализняк отказался от каких-либо изменений, — как мне кажется, не только по техническим причинам. Конечно, в работе такого масштаба, как ГСРЯ, не удалось избежать ошибок. На бумаге они могут быть исправлены только в последующем издании, которое не так просто подготовить. Тут возникает проблема, что следовало бы улучшить. Ведь дело не только в опечатках, либо других ошибках, попавших в словарь случайным образом.

Впрочем, возможно, что отсутствие конкретной формы является результатом сознательного решения. Это касается не только частных вопросов. Приведу яркий пример.

Когда я первый раз приехал в Россию в 1978 году, я был удивлен, слыша в повседневных разговорах образованных людей звательные формы, преимущественно — от имен. Согласно моей скудной информации о русском языке, они были возможны только в обращениях к Богу — моя русская бабушка иногда вздыхала «Бóже» или «Гóсподи». А в 1978 году (и позже) Андрей Анатольевич постоянно обращался к своей жене «Лен» (а не «Лéна» или «Елéна Вíкторвна»).

Сейчас, в 2020 году, в русской Википедии мы читаем:

В то же время, иногда под «современным звательным падежом» (или «новозвательным») понимаются словоформы с нулевым окончанием существительных первого склонения, как «Миш», «Лен», «Тань», «Марин», «Танюш», «Ванюш», «бабуль», «мам», «пап» и т. п., то есть совпадающие по форме со склонением множественного числа родительного падежа. Статус данной

формы слова пока остается предметом споров ученых: часть склоняется к выделению подобной формы в отдельную грамматическую категорию, часть же выступает против.

С сегодняшней точки зрения, не разделяемой лишь экстремальными пуристами, звательная форма входит в «современную русскую литературную норму». Можно спорить, падеж это или нет, однако не подлежит сомнению, что она входит в оппозицию с другими формами, противопоставлена им. Вполне возможно включить звательные формы в грамматическое описание русского языка (и в абстрактную грамматику).

Зализняк так не сделал. Когда он работал над первой версией словаря, звательные формы, быть может, еще не полностью установились; он мог сомневаться, сохранятся ли они в течение нескольких десятилетий. Итак, в его модели они отсутствуют. Отсутствуют они и в абстрактной грамматике G_0 , являющейся базой РИС, а косвенно — также ГСРЯ. Нет их и во второй версии ГСРЯ [Зализняк 2003]. Я думаю, что это было правильное решение. Абстрактная грамматика — это плод многолетней работы и большого опыта. Она построена как готовый продукт и может быть базой для модели языка, но эта модель синхронна. А система языка подвижна.

Для того чтобы — исходя из абстрактной грамматики G_0 — построить грамматику конкретного языка, необходимо обладать данными. Конечно, лучший их источник — тексты. Однако, для РИС и ГСРЯ источником данных послужили не тексты, а словари и грамматические описания (можно сказать, что данные вторично созданы исследователем на основе собственной компетентности); это выступающие в текстах словоформы-сегменты с добавленным знаком ударения (и с буквой ё) — акцентуированная орфографическая запись. Она «отличается от прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята. [...] Она же (обычно в своем акцентуированном варианте) применяется и в подавляющем большинстве существующих описаний русского языка, в частности во всех словарях» [РИС: 9]. Этого чисто практического обоснования даже не стоило повторять в предисловии к ГСРЯ: пользователи словаря просто получают информацию о том, как читать словоформы (это очень полезно также для меня лично, так как мой языковой опыт с письменным русским гораздо шире, чем с устным).

Абстрактная грамматика, использованная в ГСРЯ (вместе с интерпретацией данных) — это модель. И она построена синхронно. Мало того, автор в последующих изданиях оставил в прежнем виде не только каркас словаря, но также решения по конкретным вопросам. А язык жив, он развивается. Я пытался поговорить с автором, побеседовать с ним о том, что

можно делать с его словарем в электронной версии (которая, конечно, существует). Мне показалось, что Андрею Анатольевичу это было совсем неинтересно, так же, как неинтересно было (бы) что-то исправлять либо добавлять. Ведь модель составлена как неизменное явление.

Грамматический словарь русского языка был эталонной работой также и для меня. О том, чтобы такого рода словарь составить для польского языка, я подумал сразу, увидев его впервые [см. Saloni 1979]. И мне, как потенциальному автору, приходилось принимать решения по подобным вопросам.

О грамматическом строе польского языка я думал и раньше, систематически изучая структурную лингвистику по учебникам и книгам, в значительной степени русским (в первую очередь — РИС), и объясняя школьникам традиционную польскую грамматику. Я конструировал, как сказала бы Поливанова, абстрактную грамматику.

Иногда я предлагал нетрадиционные решения (я опубликовал их чуть позже — [Saloni 1988]). Такие решения всегда опасны. Например, я предложил ввести в словоизменительные категории польского языка категорию депрециативности (она была затем систематически включена в SGJP). Она в польском языке нова: начала формироваться в XIX веке (Мицкевич). На мой взгляд, в современном польском языке эта категория занимает уже постоянное место. Она охватывает все существительные (и слова им подчиненные) лично-мужского рода, для которых в именительном падеже множественного числа возможны две формы, например:

- (1) *Na zebranie przyszli jacyś profesorowie* (lekarze).
Na zebranie przyszły jakieś profesory (lekarze).

Однако не все были согласны со мной. Первым выразил несогласие Андрей Богуславский [Bogusławski 2007], для которого депрециативные формы типа *profesory* маргинальны, вторичны (как для Поливановой вокатив в старославянском языке), выступают только в шутках и не стоят того, чтобы включать их в парадигму. По мнению Богуславского, они образуются от немногих существительных (они и на самом деле редки в текстах), «*te lekarze, te kaprale* только доктринер может считать реальной возможностью» («*te lekarze, te kaprale jest czymś, co tylko doktryner uzna za realną możliwość*»). На самом деле здесь происходит морфологическая нейтрализация; оппозиция представлена только синтаксически (обычно говорят *ci lekarze, ci kaprale*). В настоящее время в мою пользу могу привести данные — в Национальном корпусе польского языка [http://nkjp.pl] я нашел *kaprale* в синтаксически депрециативном контексте (...*niektóre ge-*

neraty i kaprale lubią sobie postrzelać...) — 1 вхождение на 59. Мало того, заглавие полемической статьи Богуславского — *Przyjacioły jak sokoły. Rzecz o tym, jak Polacy bawią się fleksją* — казалось мне неудачным, потому что для *przyjacieł* депрециативная форма должна быть омонимична с обычной *przyjaciele*; в то время как *przyjacioły* — это древний творительный падеж. И тут меня ждал приятный сюрприз: в Национальном корпусе польского языка слово *przyjacioły* выступило 42 раза, в том числе 17 раз как творительный, а 25 — как другие падежи (например, именительный: *Udowodniły to moje przyjacioły*). Я знал, что модель (или абстрактная грамматика), которую я строю, не единственная и что возможно построение других; но все-таки я стремился быть относительно близок к языковым фактам. Кажется, что в этом случае мне повезло.

Конкретные решения в словаре — это отдельный вопрос. Однако стремление к регулярности — это несомненно признак моей модели (моей абстрактной грамматики).

Язык живет, меняется и развивается — часто вопреки регулярности и закономерности. Нередко бывает, что языковой узус (норма) противодействует парадигматическому порядку. Люди чувствуют аналогии, но не всегда там, где их видит теоретик-лингвист. Такие явления заметны и в морфологии. Бывают переходы от одной парадигмы к другой, охватывающие только часть форм лексемы — и она гибридизируется, изменяется частично по одной схеме, частично — по другой. Отношение данных к абстрактной грамматике зависит от нашей интерпретации. В таких случаях обе парадигмы есть в модели, однако склонение или спряжение лексемы не соответствует ни одной, ни другой. С точки зрения абстрактной грамматики такие ситуации нежелательны. Зная об их существовании, мы не вводили такие гибриды в словарь, а искали какой-то промежуточный выход. Среди предложенных нами решений встречаются комментарии, иное разделение лексем, введение дефектных парадигм.

Все это — теоретические проблемы. У нас были и разные практические трудности. В период социально-экономических преобразований в Польше было невозможно приступить к проекту, реализация которого требовала примерно 10 лет. Я не мог начать такую работу как по общим, так и по личным причинам. Однако работа над отдельными фрагментами задуманного проекта позволила мне заметно продвинуться вперед.

Уже в 1977 году, когда был напечатан ГСРЯ, было известно, что словари можно составлять с помощью компьютеров; несколько лет спустя их даже печатали с компьютера. Я сразу знал, что я хочу делать именно так, хотя тогда я мог использовать компьютер только в подготовительной работе, главным образом при сортировке материала (благодаря этому работа

стала проще и быстрее). Согласно модели Поливановой я работал над данными, одновременно вырабатывая абстрактную грамматику, отвечающую моим соображениям о современном польском языке и его описании.

К систематической работе над словарем я приступил гораздо позже — уже в XXI веке. Уговорили меня мои коллеги и сотрудники. Мы поняли, что следует создавать словарь с обязательным применением компьютерных технологий и издавать исключительно в электронном виде. Таковы современные требования. (Преимущества этой формы публикации я представил в выступлении на юбилее А. А. Зализняка — см. [Saloni 2015].) Главное то, что такой словарь имеет гибкую форму — в противовес жесткой (на бумаге). Пользователю это дает возможность гораздо быстрее найти словарную статью; а автору и редактору — возможность вносить в текст изменения (исправления) и дополнения практически на любом этапе работы (в зависимости от ее организации).

Нам это было понятно с самого начала нашей работы. Мы знали, что будем улучшать словарь в течение длительного времени, пока на это хватит сил, пока на это будет способен кто-либо из нашего коллектива. Благодаря этому SGJP является источником морфологической информации для других работ, в первую очередь — для Большого словаря польского языка (WSJP), разрабатываемого в настоящее время в Институте польского языка Польской академии наук. И именно от пользователя этого словаря мы получили важное замечание, указывающее на существенную ошибку (она перешла из SGJP) в слове *Rzeczpospolita*. Это сращение двух слов (калька латинского *Res Publica*), написанных вместе, но изменяющихся самостоятельно, выступающее в официальном названии польского государства. Для этого слова нужно было ввести индивидуальный образец склонения, который в электронном словаре показан в виде готовой таблицы. В результате ошибки на ранней стадии работы над проектом, форма винительного падежа была указана неправильно (*Rzeczqzpospolitą* вместо *Rzeczpospolitą*). И в течение 15 лет этого никто не заметил! Конечно, ошибка была немедленно исправлена. Теперь пользователи обоих словарей видят правильную парадигму. Такая очевидная поправка могла быть внесена и в бумажную версию, однако пользователи получили бы ее только с новым изданием (если оно было бы напечатано).

Гибкость электронной формы текста имеет и другие важные следствия: его внутреннее содержание не фиксировано. Его можно менять: что-то вычеркивать, что-то добавлять (например, новые слова, которые только входят в язык, искомые нетерпеливыми исследователями современных текстов). Кажется, что это очень полезно. Но это также и опасно. Мы стараемся моделировать живой язык, не зная, как он будет развиваться. Это свойство

электронной формы поставило авторов SGJP в совершенно иную ситуацию, отличную от той, которая указана моделью Поливановой и принята Зализняком. Приведем пример.

В польском языке уже давно существует практическая проблема референции конкретных имен существительных к лицам женского пола — при отсутствии четко сформированного существительного женского рода для этой цели традиционно использовалось существительное мужского рода. Сегодня женщины не принимают этого способа обращения, они хотят, чтобы их называли особыми словами, например, женщина должна быть не *inżynier*, а *inżynierka*. Мы видели эту проблему с первого издания SGJP, но не решились ввести такие новые существительные женского рода в большом количестве. Мы давали женские названия, если они были устойчивыми. Как следствие, существительного *inżynierka* в SGJP нет по сей день, хотя мы можем легко найти современные вхождения в корпусе, пусть и довольно редкие. Неизвестно, что войдет в язык.

Однако было исключение, касающееся модернизации словника. К SGJP было выдвинуто требование (подобно ГСРЯ), что этот словарь должен включать в себя собственные имена (в предыдущих изданиях они были введены только выборочно). Итак, 2–3 года тому назад, опираясь на официальные списки, мы включили в словник названия населенных пунктов (городов, сел, поселков) и фамилии (достаточно часто употребляемые), причем последние — отдельно в версии для мужчин и для женщин. В результате объем словаря увеличился на 100 000 единиц. Дополнения оказались столь значительны, что стоит описать их во Введении. Тем не менее, актуальная версия словаря в Интернете обозначена, как раньше, «третье издание» — 2015 года — и она содержит Введение ко второму изданию, 2012 года!

Теперь мои коллеги работают над тем, чтобы SGJP давал информацию о частотности отдельных единиц, в первую очередь — лексем. Мы думали об этом давным-давно, но к реализации смогли приступить намного позже, когда большой корпус данных стал доступен в электронном виде. Я не могу активно участвовать в этой работе, но с интересом слежу за ее результатами. Можно предположить, что скоро будет выпущен следующий релиз SGJP: пятый, если считать только существенно различающиеся версии.

SGJP, конечно, словарь богатый, достаточно точный и удобный в пользовании, и в значительной степени отражает лексическое богатство современного польского языка. При этом он непоследователен в решениях, содержит ошибки и неточности, заметные внимательному читателю. И у него нет канонической версии.

То, что SGJP начинает жить своей собственной жизнью, и что мое влияние на нее ограничено, я осознал давно. Я увидел это очень четко, когда

мы решили сменить программную платформу словаря, ранее распространявшегося на CD, и опубликовали его онлайн.³ Тогда я придумал сравнение, которым сразу же поделился с коллегами: я нахожусь в ситуации ученика чародея.⁴ Но волшебник (чародей) не мог и не может прийти мне на помощь, ибо его просто нет. Словарь продолжает развиваться, независимо от меня, потому что таковы законы жизни. И я желаю ему успеха.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М. : Наука, 1967.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — М. : Русский язык, 1977.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Русские словари, 2003.
- Козлов А. А. — Рец. на кн. [Поливанова 2013] // Вопросы языкознания. — 2015. — № 2. — С. 136–144.
- Поливанова А. К. Формальная парадигматика и классы слов в русском языке // *Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileusza 15 000 dni pracy naukowej* / Red. W. Gruszczyński. — Białystok : Wydawnictwa Uniwersytetu w Białymstoku, 2001. — S. 211–228. — Цитируется по: А. К. Поливанова / *Общее и русское языкознание. Избранные работы.* — М. : РГГУ, 2008. — С. 154–175.
- Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013.

³ Это заметно и по сей день. В актуальное, третье, издание SGJP включена вступительная статья ко второму изданию *Теоретические основы «Польского грамматического словаря» (Podstawy teoretyczne „Słownika gramatycznego języka polskiego”)*. Я не стал писать введения к третьему изданию, не согласившись с некоторыми изменениями, которые были внесены при переходе на эту версию — либо автоматически при переносе словаря на новую платформу, либо сознательно. К сожалению, эти изменения исказили построение всей абстрактной грамматики.

⁴ Ученик чародея — персонаж, известный в культурной традиции. Молодые люди связывают его в первую очередь с фильмом «The Sorcerer's Apprentice» (2010 год) режиссера Джона Тёртелтауба с Николасом Кейджем в главной роли. Я человек из другой эпохи. Мне вспоминаются знакомая еще со школьных времен баллада Гёте *Der Zauberlehrling*, а кроме того симфоническое скерцо Поля Дюка — и неожиданное соло контрафагота, начало неконтролируемой игры объектов.

- Bogustawski A.* Przyjacioły jak sokoły. Rzecz o tym, jak Polacy bawią się fleksją // Preteksty – Teksty – Konteksty. Festschrift Prof. Józef Rurawski / Ed. M. Barański, Z. Trzaskowski. — Kielce : Akademia Świętokrzyska, 2007. — S. 281–290.
- Saloni Z.* Рец. на кн.: А. А. Зализняк / Грамматический словарь русского языка. — М. : Советская энциклопедия, 1974 // International Review of Slavic Linguistics. — 1979. — Vol. 4, № 1–2. — P. 241–250.
- Saloni Z.* O tzw. formach nieosobowych [rzeczowników] męskoosobowych we współczesnej polszczyźnie // Biuletyn PTJ. — 1988. — Z. 41. — S. 155–166.
- Saloni 2015 — Выступление на юбилее Андрея Анатольевича Зализняка 29.IV.2015 — URL: <http://inslav.ru/zalizniak80/>.
- Saloni Z., Woliński M., Wołosz R., Gruszczyński W., Skowrońska D.* Słownik gramatyczny języka polskiego. — II wyd. CD [+ буклет (введение)] — Warszawa, 2012.
- SGJP — *Saloni Z., Woliński M., Wołosz R., Gruszczyński W., Skowrońska D.* Słownik gramatyczny języka polskiego. — III wyd. online. — Warszawa, 2015. — URL: <http://sgjp.pl/>.
- WSJP — Wielki słownik języka polskiego / Red. P. Żmigrodzki. — Warszawa : Instytut Języka Polskiego PAN. — URL: <http://www.wsjp.pl/>.